

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

РОССИЯ, ЗАПАД И ВОСТОК: ДИАЛОГ КУЛЬТУР

*Материалы Первой Международной
молодежной научно-практической конференции
28–29 апреля 2014 г.*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2014

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА В КУЛЬТУРАХ РОССИИ, ЗАПАДА И ВОСТОКА

ДУХОВНО-ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА (ОСНОВНЫЕ АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ ИЕРОГЛИФА 人 (ЖЭНЬ)) SPIRITUAL VALUE DIMENSION OF CHINEESE LANGUAGE (FUNDAMENTAL AXIOLOGICAL SENSES OF HIEROGLYPH 人 (REN))

Е.В. Беккер, О.Б. Панова

Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University

Статья посвящена духовно-ценностному измерению китайского языка. С аксиологической точки зрения рассматривается китайский иероглиф 人, исследуются его сочетания с основными даосскими символами, имеющими глубокий духовный смысл.

Язык – явление глубоко духовное, он имеет духовно-ценностное измерение, и если обратиться к истокам любого из ныне существующих языков, можно увидеть, как через язык раскрывается ценностная составляющая миропонимания народа-носителя. Язык в настоящее время исследуется с лингвокультурологической и философской точек зрения в системе гуманитарного познания, изучением его занимаются и занимались такие известные философы, как М. Хайдеггер [11], В. Гумбольдт [3], Г.-Г. Гадамер [1]. Язык рассмотрен практически со всех точек зрения, но недостаточно внимания уделяется именно его духовно-ценностной смысловой составляющей. Необходимо видеть глубинный смысл в привычных языковых знаках и символах, необходимо разобраться: а может, через язык до нас пытается достучаться наша духовность, наша божественная суть? Может, наше невнимание к языку и является преградой к нашему единению с мирозданием, космосом? Может, в миропонимании наших древних предков и кроется правда о том, что наш привычный «способ общения между людьми» является фактором, связующим человека – материального – осязающего звуковую и видимую сторону языка – с духовным, сокровенным, внутренней составляющей языка, неосязаемой, но присутствующей во всех существующих и существовавших на земле языках. Ведь язык, согласно мудрецам древнего восточного мира (Конфуцию, Лао-Цзы, Будде), всегда являлся чем-то соединяющим Небо и Землю, приобщающим человека через свою звуковую и письменную сущность к вечной, непостижимой до конца сущности мира.

Что же является сущностной стороной языка? Рискнем предположить, что таковой стороной привычной всем нам речи и письменности является их ценностная составляющая. Ведь язык, по утверждению многих отечественных и зарубежных ученых, имеет непосредственную связь не только с сознанием, но и с миропониманием, мировоззрением в целом. В любом ныне существующем языке можно, всмотревшись в его корни, увидеть, как основные, чаще всего используемые слова языка отображают нечто для народа важное, неотъемлемое уже теперь ни из жизни, ни из языка народа слово.

Особого внимания в указанном ракурсе заслуживает китайский язык, являющий собой мудрость древнего ценностного мировосприятия и современности, один из самых древнейших языков, существующих до нашего времени.

Основной философской универсалией в культуре Востока в целом и китайской культуре особенно является 道 – Дао, что есть Путь (подход, график, функция, метод, закономерность, принцип, класс, учение, теория, правда, мораль, Абсолют). Термином «дао» передавались буддистские понятия «марга» и «патха», выражающие идею пути, а также «гати» (одно из 6 воплощений) и «бодхи» (просветление, пробуждение) и иудео-христианское понятие Бога. В целом Дао представляет собой соединение человека и «гуманности» [6, с. 220–226].

С точки зрения ценности языка для человека можно выделить три его уровня: эстетический – уровень, на котором язык, соприкасаясь с Миром через человека, впитывает в себя всю его красоту, передавая через себя ее обратно через звучание и свое письменное оформление; этический уровень, на котором язык олицетворяет собой высшую мораль – Дао (изначальное) в китайской языковой модели, и уровень, объединяющий в себе все вышесказанное и гораздо больше, – аксиологический. Ведь именуя и очеловечивая сущее, Язык символизирует, означает все вокруг, т.е. придает всему ценность, наделяет значением, вно-

сит смысл – вводит Мир в аксиологическое измерение, творит Культуру как символический универсум [9, с. 133]. На трех этих уровнях и существует любой язык, и одним из самых ярких представителей, в которых хорошо просматриваются все три уровня, является китайский язык – благозвучный, благовидный, мудрый, таящий в себе массу философских тайн, древние духовные ценности, связь человека с мирозданием, с Дао, что хорошо просматривается на примере китайского понятия 人 (жень) – человек, стоящий в центре всей китайской письменности.

Дай Чжэнь (XVIII в.), определяя Дао с помощью его этимологического компонента – син (движение, действие, поведение), образующего термин у-син («Сэен-цзы цзы и шу чжэн»), там же утверждал: «Человеческое дао коренится в [индивидуальной] природе, а [индивидуальная] природа имеет исток в небесном дао» [6, с. 225]. Человеческое дао – вероятно, это внутренняя сущность человека, соединяющая его со всем миром? Наверняка это должно отображаться в символе 人 (жень). Любой язык символичен, а китайский – в особенности, и через символ и перетекает в языке от одного к другому ценностная составляющая.

Что есть 人 (gen)? С точки зрения современных китайско-русских словарей, основное значение 人 – человек. Конкретный живой человек. Но разве этим все и ограничивается? Китайский язык, как и все другие языки, обладает способностью абстрагировать, хотя в китайском языке это выражается несколько по-особому. Обычный на первый взгляд иероглиф может содержать в себе огромную ценностную основу. Большой китайско-русский и русско-китайский словарь под редакцией Н. Цили дает нам следующие определения 人: человек, человечество, народ, человеческий труд, лучшие стороны человеческой натуры [10]. Как считает И.В. Шаравьева, «знак «человек» в силу своей принадлежности к обществу формирует такое значение, как человеколюбие, так называемая конфуцианская гуманность» [13].

То есть 人 (жень) – это не просто определение человека, это человек и с физической, и с этической, и с эстетической, и с философской точки зрения. 人 включает в себя дао, обозначая нечто гораздо более глубокое, граничащее с мирозданием, объединяя в себе всю духовную суть человечества.

Неоконфуцианец Ван Гэнь утверждал: «Моя личность (шэнь) и дао изначально – одна вещь (цзянь). В высшей степени почтенное – это дао, [следовательно] в высшей степени почтенное – это [и] моя личность [6, с. 83].

Концепция 人 (Жень) занимает центральное место в учении Конфуция. В конфуцианстве это понятие, с одной стороны, определяется как спокойно-самодостаточная «любовь к людям», рождающая правильный баланс любви и ненависти, с другой – как «преодоление себя и возвращение к ритуальной благопристойности» [7].

В «Дао дэ цзине» 人 признано благотворной основой общения людей [4], а в «Чжуан-цзы» распространено и на неживую природу в качестве «принесения пользы вещам» [10].

Дун Чжуншу во II в. до н.э. объявил 人 воплощением «воли Неба» в человеческом. В позднем даосизме, философии сюань сюэ и буддизме 人 стало играть роль одной из важнейших добродетелей – милосердия, преодолевающего барьер между «я» и «не-я». Неоконфуцианцы в VIII–IX вв. трактовали 人 как атрибут Неба (тянь), органическую единичность индивида со всем мирозданием. Философы XX в. толковали 人 в изначальном конфуцианстве как сознательное следование этическим нормам (Ху Ши) или спонтанную нравственную интуицию, а в неоконфуцианстве – как принцип «моральной метафизики», выражающий самосозидающее личностное начало [7].

Исходя из этих теоретических данных, можно с абсолютной уверенностью утверждать, что 人 – один из наиболее центральных иероглифов в китайской письменности.

人 (Жень) также является и одной из самых употребляемых графем в составе других иероглифов, морфем в составе слов. Если обратиться к словам, то сочетание 人 с наиболее важными конфуцианскими и даосскими иероглифами довольно ярко выражает ценностную сущность языка. Например: 人 и 道 (Дао) вместе образуют 人道 (Женьдао) – человечность, гуманность, высшая мораль. Почему высшая мораль? Очевидно, если рисовать даосскую картину мира, мы видим две извечные истины – Небо и Землю, а между ними – человек, цель которого постичь Дао. Постигая Дао, человек стремится к высшему, духовному, соединяя в себе Небо и Землю, сплетая два этих понятия в языке и на более тонком уровне в единое Дао – идеальное бытие, или «Небытие», как утверждают китайские мудрецы.

Оттого и Высшая Мораль – одно из значений 人 – «высшие качества» соединяется с одним из значений 道 – «совершенство», т.е. «совершенство есть высшие качества в человеке», высшая мораль для достижения 德. Итак, если человек вместе со всеми его составляющими находится между Небом и Землей

в поисках совершенства, то, выходит, он связывает собой Духовное, к чему стремится и Материальное, от чего стремится уйти. «Человеку присущи качества земли и неба, в нем совокупаются светлое и темное, сливаются дух и душа, смешиваются совершенные ци пять стихий. [...] человек – средостение земли и неба, в нем – крайность пяти стихий, он живет, ощущая вкус пищи, различая звуки и одеваясь в цветное» [5, с. 106].

Получается, человек, вместе со включающим его миром, и есть дао – изначальное, единое начало, разбившееся на части, как в работе «Слово о Дзен», утверждала Т. Григорьева, бытие [2]. Значит, Дао – есть и язык! Это является еще одним подтверждением того, что язык и является связующим между духовным и материальным началами.

Но вернемся к 人. Кроме морфемы, 人 является еще и графемой, частью иероглифа. И тут можно наглядно представить себе, как 人 – сущность человека, вписывается в нарисованную нами выше картину мира. Примером послужит широко употребляемое слово «Небо», 天 (Тьянь). С точки зрения высшего, аксиологического уровня языка, абстрагируя, мы понимаем, что 天 является не только описанием Неба, но и также каких-то важных для человека высших моральных правил. Итак, какое же описание 天 дает нам словарь? 天 – небо, Бог, незыблемое начало, высшие законы природы, судьба [10]. Хорошо видно, как 天 является, по сути, человеком, как бы «проросшим» через две горизонтальные черты. С одной стороны, можно трактовать это, как делает в своем исследовании Лу Цуньин, как сочетание 人 и 大 (да – большой). Человек, существующий в социальном пространстве, подчиняется Небу, опирается на Землю. Тем самым человек завязывает связь с космосом [8]. С другой стороны, можно трактовать 天 как человека, превзошедшего собственные земные страсти – то, что считал наибольшим грехом Лао Цзы, – нижнюю черту, дотянулся до верхней – Божественной сути, дао-дэ, в физической своей оболочке оставаясь с Землей. В любом случае 天 можно принять за своеобразный символ упорства, благочестия – одних из самых важных человеческих ценностей.

Говоря о ценностях, невозможно забыть о сочетании 人 с огромным количеством иероглифов, несущих в себе высокий аксиологический смысл. С точки зрения аксиологического уровня языка мы уже не видим в иероглифе 木 (му) простое дерево, а задумываемся о его сути. 木 – это дерево в его космической сути, как стихия. 木 – один из пяти первоэлементов в даосизме, энергия рождения и возрастания. С простой точки зрения если соединить иероглифы 人 и 木, получится человек рядом с деревом, с поверхностной точки зрения (даже с поверхностной!) – единение человека с природой. Но если обратиться к словарю, привычное 休 (сиу) – утихать предстает перед нами в переводе «благословение, счастье, благоволение» [8], так не есть ли единение с природой – счастье? Не значит ли здесь «утихать» – «приходить в согласие с окружающим миром, возвращаться к первоначальной тишине, даосскому Небытию»? На аксиологическом уровне мы видим, что главная ценность – счастье – выражается через единение человека с природой, ненасилия над ней, именно единение с ней, а не власть над ней.

Можно привести еще большее количество примеров соединения иероглифов в глубокомысленные сочетания, которые не видны с первого взгляда, и с позиции исследования ценностного уровня мы увидим, что обычные языковые символы, в данном случае – иероглифы, имеют духовный, этический, эстетический смысл.

Таким образом, китайский язык, очевидно, имеет духовно-ценностное измерение, он глубоко символичен, в каждом его иероглифе – символе заключена древняя мудрость вечного, всеединого Дао. Соответственно очевидна необходимость дальнейшей работы в этом направлении, которая предполагает более глубокий анализ ценностно-символического измерения и собственно китайского языка, и китайского языка в сравнении с другими языками (английским, славянскими языками).

Литература

1. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
2. Григорьева Т.П. Слово о Дзен // Культура и Время. 2004. №3/4. С. 117–130.
3. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 324–326.
4. Дао-Дэ цзин. Книга пути и достоинства. М.: Центрполиграф, 2012. 222 с.
5. Древнекитайская философия: в 2 т. Т. 1 / сост. Ян Хин-Шун. М.: Принт, 1994. 364 с.
6. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. [Т. 1] / Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока. М.: Восточная литература, 2006. 727 с.
7. Китайская философия: энциклопедический словарь / под ред. М. Титаренко. М.: Мысль, 1994. 576 с.
8. Лю Цуньин. Иероглиф 人: от древних времен до нашего времени // Развитие личности. 2006. №2. С. 174–176.

9. Панова О.Б. Творческий дух языка. Томск: Изд-во НТЛ, 2013. 388 с.
10. Большой китайско-русский и русско-китайский словарь. 450 000 слов, словосочетаний и значений / под ред. Н. Цили. М.: ООО «Дом славянской книги», 2012. 960 с.
11. Хайдеггер М. Язык / пер. с нем. Б.В. Маркова. СПб., 1991.
12. Чжуанцзы / [пер. с кит. Л. Позднеевой; предисл. Е. Торчинова]. СПб.: Амфора, 2013. 367 с.
13. Шаравьёва И.В. Опыт этимолого-грамматологического анализа знака «人» и некоторых его производных // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. Иркутск, 2009. № 4. С. 42–47.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ч. АЙТМАТОВА AITMATOV. HUMAN'S INTERACTION WITH NATURE

Д.В. Бердюгина

Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University

Освещены взгляды писателя и философа Ч. Айтматова на проблему деградации общества, деформацию личности и экологический кризис, который является следствием этих явлений.

Сегодня проблема взаимоотношений человека и природы стоит очень остро. Ни для кого не секрет, что человечество переживает экологический кризис.

Многие ученые и философы в своих трудах предупреждали людей о надвигающейся опасности, взывали к благоразумию. На данном этапе развития общества люди все больше осознают серьезность своего положения.

В данной работе рассмотрены взгляды одного из выдающихся писателей прошлого столетия Ч. Айтматова на взаимоотношение человека и природы.

Помимо безусловно положительных черт бурного развития науки и техники за последний век, существуют и отрицательные стороны этого явления. Ч. Айтматов много раз обращается именно к бедам человечества, которые несет ему технический прогресс.

В произведении «Плаха» описывается трагедия пары волков, потомство которых постоянно гибнет по вине людей. Измученная своими несчастьями волчица, потерявшая своего друга, все-таки на несколько мгновений возвращает себе веру в счастье – она крадет человеческого ребенка. Отец, выбежавший спасти своего сына, стреляя по волчице, попадает в ребенка. Таким образом, природа отомстила человечеству, которое постоянно нарушает гармонию и законы природы.

Но в человеке растут силы, чтобы противостоять природе. При условии сохранения таких темпов развития мы рискуем вызвать экологическую катастрофу планетарного масштаба.

Произведение «И дольше века длится день» содержит историю о встрече цивилизаций двух разных планет. Основной мыслью этого фантастического рассказа является идея о незрелости человеческой цивилизации, о ее трусости: «...человечество не пришло еще к планетарному мышлению, поскольку каждый еще не думает о другом как о себе самом, не желая считаться с тем, что он также страшится смерти, страдает, переживает и также любит жизнь, как ты...» [1].

Деформация совести позволяет людям оставаться безучастными даже тогда, когда попираются нравственные устои. Неужели устроенная сытая жизнь неспособна сформировать личность, готовую на протест из-за унижения достоинства? Что это – плата за научно-технический прогресс? Не слишком ли большая цена? Прогресс ли это? Трудные, трудные вопросы. Не страх, а совесть должна заставлять людей приписать ответственность за происходящее вокруг. Каждый ответствен за время, в котором живет [2].

Технический прогресс уже не остановить, люди попросту не согласятся жить в менее комфортных условиях. Но стоит научиться сосуществовать в гармонии, внутренней и внешней. Таковы призывы писателя: «...в его воспоминаниях и размышлениях открывается нам идеальное поведение и житие человека. Мы читаем не о былом и не о том, как живут, а о том, как жить. Жить в гармонии с природой и с самим собой, лично и счастливо, на чистых началах. Основой жизни героев романа на Буранном полуостанке стали Память и Совесть. Эти люди не рвут от жизни куски и не ищут, где лучше. В суровой природе Сары-Озеков они уловили живую душу самой Природы и умеют радоваться малому – поэзии ливня например. «Абуталип и дети купались в потоках ливня, плясали, шумели... То был праздник для них, отдушина с неба». Жизнь семей Едигея, Казангапа и Абуталипа Куттыбаева протекает со своими страстями, надеждами и трудностями. А в трудностях закаляется характер, очищаются душа и ум. И ценности в их мире